

- http://www.scss.tcd.ie/undergraduate/bacsll/bacsll_web/corr0203.pdf
9. Field, F.W. Linguistic borrowing in bilingual contexts. – John Benjamins B.V., 2002. – 228 p.
  10. Grzega, J. Borrowing as a word-finding process in cognitive historical onomasiology // Onomasiology Online. – 2003. – Vol. 4. – Pp.22–42 <http://www1.kueichstaett.de/SLF/EngluVglSW/grzega1032.pdf>
  11. Grzega, J. Compounding from an onomasiological perspective // Lieber, R. & Štekauer, P. (Eds.). The Oxford handbook of compounding. – Oxford: Oxford University Press, 2009. – Pp.217–232.
  12. Grzega, J. Onomasiological approach to word formation <http://www.pulib.sk/skase/Volumes/JTL03/08.pdf>
  13. Loveday, L. Sociolinguistic dimensions of borrowing <http://202.23.129.160/webopac/bdyview.do?bodyid=BD00003181&elmid=Body&fname=e03802.pdf>
  14. Štekauer, P. Fundamental principles of an onomasiological approach to word formation // Onomasiology Online. – 2002. – Vol.2 <http://www.onomasiology.de>
  15. The Oxford dictionary of English etymology / Ed. by C.T. Onions. – Oxford: Clarendon Press, 1985. – 1025 p.

УДК 801.73(073)

Н.Ф. Крюкова

О ЛОГИКЕ ПОСТРОЕНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ КАК НАУЧНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

В статье ставится вопрос о специфике научной логики филологической герменевтики, которая требует специального системного описания, необходимого для создания учебных программ с целью включения герменевтики в качестве исследовательской проблемы в учебный процесс в рамках университетского гуманитарного образования.

Ключевые слова: филологическая герменевтика, понимание, интерпретация, рефлексия, научная логика, смысл, текст.

В современной системе филологических и нефилологических наук филологическая герменевтика занимает достаточно определенное место, имеет свой исследовательский предмет и свои исследовательские методики. На это указывает основатель отечественной филологической герменевтики Г.И. Богин, который в своих многочисленных трудах [1] достаточно основательно описал ее статус как научной дисциплины, не успев, тем не менее, четко представить ее логическую систему в целом. Филологическая герменевтика изучает процессы понимания текста, но понимание текста является предметом и многих других научных дисциплин со своими методиками и техниками понимания, кстати, в определенной степени оказывающимися полезными и для самой филологической герменевтики. Это и семиотика с

декодированием знаковых форм, и герменевтика родов искусства, например, с экфрастическим описанием, и текстология с историографическим анализом, и разнотекстовая герменевтика со способами обнаружения преднамеренно скрытых смыслов в произведениях устной и письменной речи. Кроме того, есть еще и философская герменевтика, претендующая на универсальный статус, но менее всего родственная филологической герменевтике. Тверская школа филологической герменевтики интенсивно занимается разработкой проблемы понимания как инобытия рефлексии. При данном подходе схемы действия при понимании и техники понимания выступают в качестве рефлексивных. Очевидно, что этот рефлексивный характер должен определять и общую логику филологической герменевтики как научной дисциплины. Необходимо акцентировать рефлексивные основания всех герменевтических мыслительных форм. Так, герменевтический круг предполагает, что любое смысловое композиционное целое понятно лишь при условии понятности составляющих его частей, которые в свою очередь понимаются не как автономные единицы, а именно как части, находящиеся в функциональной зависимости от целого. Именно поэтому слово в словаре отличается от слова в тексте как смысловой единицы, включенной в определенный смысловой континуум. В отличие от лингвистики, которая закрепляет понятие значения за словом, а понятие смысла связывает с предложением-высказыванием, герменевтика категориально различает значение и смысл уже на уровне слова, рефлексивно связывая их в процессе понимания текста.

Известно, что, говоря о постижении текстовых смыслов, обычно прибегают к двум терминам – «интерпретация» и «понимание». Поль Рикёр называет понимание искусством постижения значения знаков, которые одно сознание передает другому, а интерпретацию – толкованием знаков и текстов, зафиксированных в письменном виде [8: 4]. Эта точка зрения коррелирует с мнением В.А. Кухаренко об интерпретации как о вербализованном понимании [5]. Г.И. Богин уточняет, что интерпретация есть высказанная рефлексия. При этом важно подчеркнуть, что текст интерпретации не извлекает из интерпретируемого текста его смысл, ибо в интерпретируемом тексте его нет как «умершего» в текстовых формах, но способного «воскреснуть» в результате новых рефлексивных процессов. Утверждая это, мы снимаем парадоксальность определения герменевтики как «искусства извлекать из текста то, чего в нем нет», а также снимаем вопрос о парадоксальном устройстве герменевтического разума вообще, что, конечно, очень важно в логическом отношении. Больше того, сам понимаемый текст, репрезентирующий свой смысл, мыслится как *этот смысл*, а не как *этот текст*. Т.е. он мыслится в режиме герменевтики, а не в режиме лингвистики текста.

Филологическая герменевтика не может сводиться просто к методической технике в рамках педагогики, имеющей своей целью только облегчение понимания текста индивидуальному читателю. Собственно научная

герменевтика складывается тогда, когда феномен понимания становится проблематичным в общей концепции логоса, переводя герменевтику в ряд наук о «духе». Более строгая логическая практика герменевтики, по Шлейермахеру, исходит из того, что «само собой» бывает именно непонимание, а понимание должно быть задачей, т.е. если мы хотим понять что-то, то надо преодолевать естественное непонимание. Понимание, таким образом, не есть простая адаптация к среде логоса, а включает в качестве обязательной предпосылки акт рефлексии, что и акцентировано в герменевтике Г.И. Богина.

Другой момент сугубой научности филологической герменевтики заключается в том, что она как особая рациональность рождается из энергии письма, всегда уже действительного логоса. В.П. Литвинов указывает на некоторые примеры, когда выдающиеся мыслители недооценивали этот момент. Например, Г.П. Щедровицкий проектировал герменевтику устных коммуникаций в СМД-методологии и не смог ее построить. Если Щедровицкий чего-то не смог, то тут действительно есть о чем подумать [6].

Тем не менее, до настоящего времени исследователи сомневаются, следует ли считать интерпретирующую герменевтику наукой или чем-то другим, можно ли понятия этого подхода считать категориями или в герменевтике категорий не должно быть. Во всяком случае, очевидно, что в системах понимания и смыслообразования научно состоятельным оказывается именно то, что возбранено в формальной логике (см. об этом рассуждения о пафосе термина «hermeneutischer Zirkel» у В.П. Литвинова [6]). Обратим, однако, внимание, что рефлексивные схемы действия при понимании (в работах Тверской герменевтической школы Г.И. Богина они прежде всего основываются на схеме системомыследеятельности Г.П. Щедровицкого) – это герменевтический формализм, который с определенной долей условности можно назвать «герменевтической логикой», т.е. принятым для герменевтического разума аналогом формальной логики, разработанной для гносеологического разума. В.П. Литвинов различает гносеологическое (познающее) мышление и герменевтическое (понимающее/ интерпретативное) мышление, впрочем, утверждая, что между описанием смысла и знанием нет естественной границы, а потому и герменевтическое понимание может прочитываться как познание, как познание понятия [6].

С другой стороны, обращение к герменевтике требует особой культуры концептуальной работы в общей семантике. Одно из теоретических обоснований филологической герменевтики определяется возможностью систематизации с учетом базисного понятия рефлексивности таких понятий, как значение, предикация, содержание и смысл, а также метасмысл и художественная идея [4]. Однако вместо когнитивных вопросов о существующих значениях и концептах в герменевтике спрашивают, как возможно, что слово «имеет» значение и при каких условиях слово или понятие «приобретает» смысл. Т.В. Лопырёва [7] определяет это как «герменевти-

ческую семантологию», которая является не когнитивной наукой, а именно герменевтикой.

Идею герменевтики как науки представляли в XIX веке А. Бёк, Й. Дройзен, В. Дильтей. В наше время Н.О. Гучинская рассматривает герменевтику как науку и метод одновременно, со своими универсалиями, подчеркивая, что это принципиально филологическая, а не лингвистическая наука, потому что цель ее – духовное раскрытие мира, представленного текстом [2]. Даже методолог Г.П. Щедровицкий, скептический по отношению к науке вообще, в Твери обсуждал задачу «представить понимание в виде научного объекта» [9].

О.В. Карасёв с его постоянным интересом к вопросу о научности герменевтики [3] к середине 1990-х годов стал показывать прием вращения четырехгранной пирамидки, вершины которой помечены как **Н**(аука), **М**(етодология), **Г**(ерменевтика), **Ф**(илософия). При вращении пирамиды в трехмерном пространстве одна из вершин оказывается верхней и интерпретирующей остальные вершины. В XIX веке главной вершиной должна была быть наука, а потому и герменевтика понималась как одна из возможных наук. После Гадамера герменевтика сама претендует на такое главенство, а после Щедровицкого в России «главной вершиной» оказывается методология. Но можно главной вершиной сделать философию, как в давние времена, и пробовать движение по кругу в основании пирамиды; «движение от науки к методологии, возврат через герменевтику к науке можно назвать большим герменевтическим кругом».

Если согласиться с Хайдеггером, что понимание – это не метод, а один из параметров человеческого способа бытия, то тогда можно сказать, что мыслительные формы понимания действительно независимо от того, как работает сознание читателя и каковы грамматические структуры текстов. Иначе говоря, собственная действительность смысла не психологична, и не грамматична, а именно герменевтична. Вместе с тем решение герменевтической задачи по определению условий реализации объективного смысла предполагает учет грамматических, психологических, социологических, когнитивных и других опор. Именно с учетом этой диалектики и должна выстраиваться научная логика филологической герменевтики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богин Г.И. Обретение способности понимать : работы разных лет. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009. – Т. 2. – 152 с.
2. Гучинская Н.О. Универсалии филологической герменевтики // Понимание и рефлексия : мат-лы Третьей Тверской герменевтич. конф. –Тверь: Твер. гос. ун-т, 1993. – Ч. 1. – С.17–48.
3. Карасёв О.В. Категориальная проблема в герменевтике // Вестник ПГЛУ (Пятигорск). –1999. – № 1. – С.8–11.

4. Крюкова Н.Ф. Диалектика смысла и значения в контексте герменевтической интерпретации // Вестник Тверского государственного университета. – Серия «Филология». – 2009. – № 29. – С.74–76.
5. Кухаренко В.А. Интерпретация текста : учеб. пособие. – 2-е изд., перераб. – М.: Просвещение, 1988. – 192 с.
6. Литвинов В.П. Герменевтический круг как мыслительная форма : рукопись.
7. Лопырёва Т.В. Герменевтическая семантология // Атриум. – Серия «Филология». – 2000. – № 6. – С.46–50.
8. Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика. – М.: АО «КАМІ»; Издательский центр ACADEMIA, 1995. – 159 с.
9. Щедровицкий Г.П. Место понимания в системах мыследеятельности // Понимание и рефлексия : мат-лы Первой и Второй Тверских герменевтич. конф. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1992. – Ч. 1. – С.5–11.

УДК 81' 23: 39

Н.И. Курганова

К ОБОСНОВАНИЮ ДИНАМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ЗНАНИЯ

Дается обоснование процессуального подхода к исследованию коллективного знания, репрезентированного словом. Уточняется специфика когнитивной схемы как процессуальной формы репрезентации общего разделяемого знания, обсуждается возможность использования понятия когнитивной схемы для анализа этнокультурной специфики знания. На основе ассоциативных экспериментов, проведенных в России и Франции, выделяются когнитивные схемы и модели обработки информации в двух культурах.

Ключевые слова: коллективное знание, общее разделенное знание, процедурное знание, когнитивная схема, когнитивная модель, этнокультурная специфика знания.

Проблема построения моделей репрезентации знаний стоит в центре внимания ряда наук и является одной из самых спорных в современной лингвистике. Потенциально знания могут быть исследованы в двух аспектах: с точки зрения структуры и с точки зрения механизмов или процессов обработки информации, что традиционно выражается в различении двух типов знания: декларативного (знания «что?») и процедурного (знания «как?»).

Выбор того или иного подхода в построении моделей репрезентации знаний самым тесным образом связан с развитием теорий памяти. Так, теоретической основой для концептуальной организации знания послужила теория категоризации Дж. Брунера, в рамках которой познавательные процессы трактуются как накладывание категорий на объекты, события и лю-